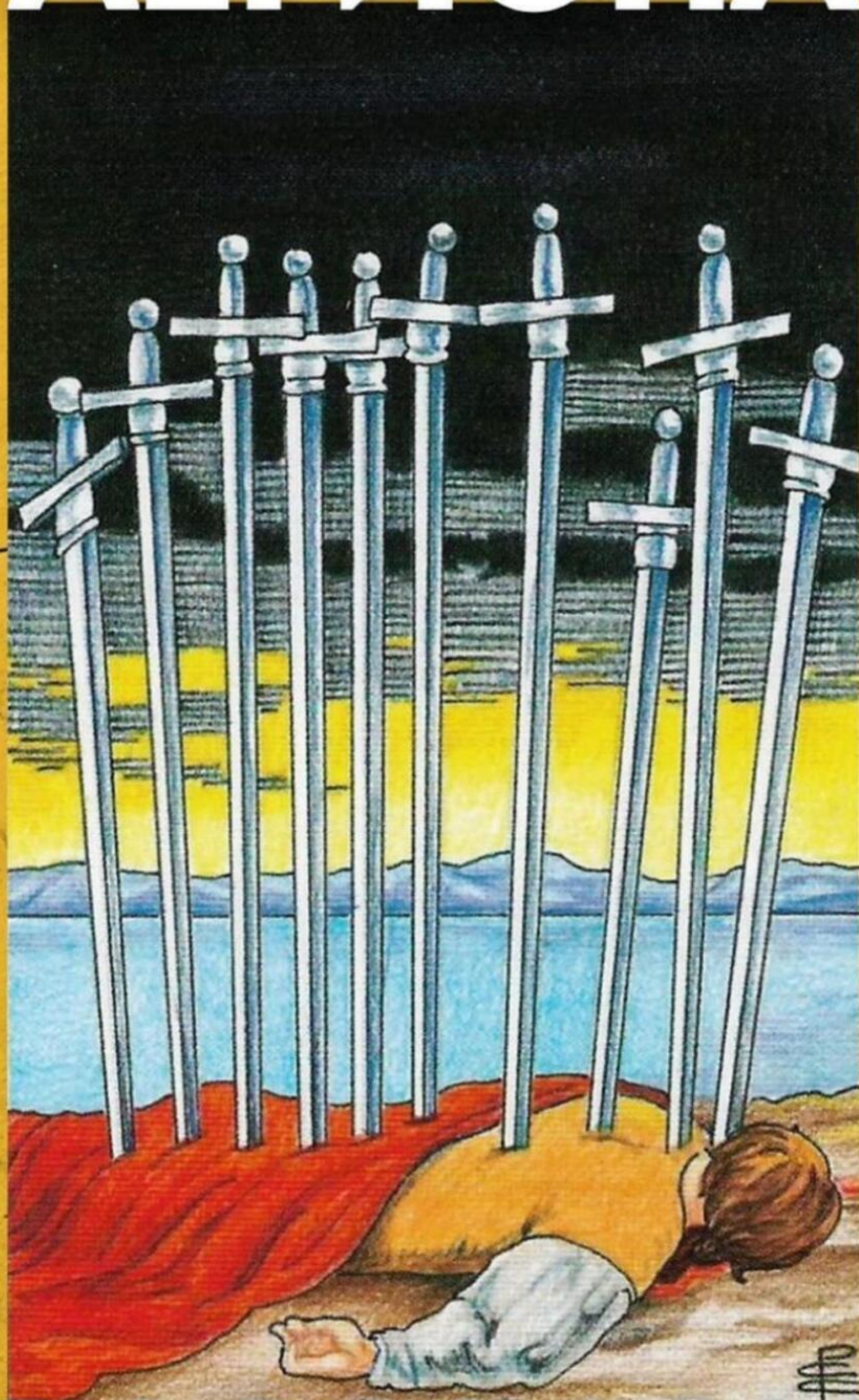

АЛЕКСАНДР КАРАСЁВ

ОРЁЛ ШЕСТОГО ЛЕГИОНА

РАССКАЗЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Карасёв

Орёл Шестого легиона

«Автор»

2023

Карасёв А.

Орёл Шестого легиона / А. Карасёв — «Автор», 2023

Если армия не такая, как показывают в кино, твой дед оказался не героем, а мама — твой главный враг... «Орёл Шестого легиона» — один из рассказов сборника, который включает произведения автора, не вошедшие в книгу «Чеченские рассказы. Большая сборка — война и мир».

© Карасёв А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Рассказы	6
Своя позиция	6
Дорога в облака	10
Орёл Шестого легиона	12
Звёздный час Луноходова	16
Хорошо быть Захаровым	18
Дорога сворачивала	21
Кто такие шмаровозники	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Карасёв

Орёл Шестого легиона

Рассказы

Своя позиция

1

В армии командиры любят дисциплинированных солдат и сержантов, а не тех, которым десять раз надо объяснить, где лежит бревно, и двадцать – почему именно он должен это бревно нести.

Однажды, когда снежок в наваленных белых возвышенностях плавил весеннее солнышко и часть пришла с обеда, я, чтобы завязать дембельский жирок, расположился на кровати, вальяжно подставив под сапоги табурет. Окно было раскрыто, и весёлый воздух, выдувая казарменную слежатику, навевал приятные мысли... Но только я успел расслабиться, поёживаясь от наслаждения, как краем уха начал ощущать свою фамилию.

Я насторожился, потому что не ходил в отличниках Бэ и ПэПэ¹ и не ждал поощрений, нехотя кликнул чижа²: пойдёшь, мол, узнай, и получил информацию о том, что я, младший сержант Киселёв, должен срочно заступить посыльным по штабу части. С ума сойти! Это с обязанностью убирать офицерский туалет! С такой несправедливостью я не мог согласиться – я был по званию младший сержант, а по сроку службы, что намного важнее, старый, то есть я отслужил уже полтора года. И мне пришлось встать и отправиться к инициаторам мерзопакостных армейских деяний.

Старший лейтенант Ряскин, нервозный хлюст из карьеристов, мне пытался объяснить, что не хватает рядовых и дневальными в наряд приходится ставить сержантов. Это ему не удавалось, как Ряскин ни пыжился и ни брызгал слюной. Почему дежурным по штабу при этом назначался младший сержант Лебедев со сроком службы полгода, я не спрашивал, а упор в своих возражениях делал на положения устава, не предусматривающие заступление сержантов дневальными, а тем более, посыльными. Здесь я проявил себя твёрдым уставником. Вообще, я уважал эту нужную книгу и многое из неё успел вычитать к тому времени.

Спор проистекал на территории штаба, на первом этаже, эмоционально, и командир части приоткрыл дверь и пробасил сипло:

– Оба мне сюда зайдите!

– Он отказ... – начал лепетать Ряскин.

Шматов поднялся, молча подошёл к книжному шкафу и взял устав, – шкаф затрепетал, как старший лейтенант Ряскин.

В присутствии нашего командира трепетало всё. Он только, бывало, возжелает поднять грузное подполковничье тело на второй этаж, как всё в расположении уже приходит в движение: «Шматов, Шматов...» – судорожно проносилось по укромным закуткам, каптёрке и ленокманте. Эффект был, наверное, как от: «Немцы! Обходят!...» – во время войны.

Привыкший к такому ужасающему влиянию на окружающих своей личности, Шматов пристально посмотрел на совершенно свободно себя державшего младшего сержанта (на меня иногда находила наглость) и обнаружил явное неуважение к Вооруженным Силам, ракетным войскам стратегического назначения и к нему лично. Шматов выпучил бычьи глаза и дико заорал на Ряскина, которого вообще затрясло вместе со шкафом.

¹ См.: Примечания.

² Значения слов из армейского сленга и военных терминов смотрите в словаре в конце книги.

– Лейтенант!!! Не видите у своего носа!! Целый день спите! Задницу наели! На губу этого уроды!! Разжаловать!!! И в наряд на сортиры каждый день!! А то сам будешь у меня очки драить!..

2

На гауптвахте встретили меня радушно, как старого доброго знакомого, отобрали ремень, оторвали лычки, хоть я и оставался ещё младшим сержантом. Мест в сержантской камере не оказалось, и проще было из меня сделать рядового, чем досрочно выпустить зарвавшегося служаку, какого-нибудь гвардии авиатора из вертолётной эскадрильи.

Трудно было попасть на губу простому смертному солдату. Это было своего рода элитное заведение для отборных разгильдяев, людей, уважаемых солдатской серой массой, – одно на весь огромный гарнизон. Но так я разозлил Шматова, что старшина отдал за то, чтобы меня посадили на трое суток, пакет мыла и пообещал ещё к моему освобождению привезти досок. Тогда я без задней мысли отнёсся к этому обещанию.

Потом, по окончании трёх суток, за отсутствие досок мне набавляли ещё...

Выведут на построение, а там каждый раз называют срок:

– Кошкельдиев!

– Е (они плохо русские буквы выговаривают).

– Трое суток ареста за самовольное оставление части.

– Киселёв!

– Я.

– Трое суток ареста за неуважительное отношение к старшему по воинскому званию. (Ничего себе старший – подполковник целый, как будто это я его сортир заставлял убирать.)

И так вот истекают третьи сутки, я уже весь настроившийся выйти на «свободу», мне говорят:

– Пять суток ареста за неуважительное отношение к старшему по воинскому званию.

Как будто это я виноват в том, что прапорщик доски не везёт.

Через два дня, на третий:

– Десять суток ареста за неуважительное отношение к старшему по воинскому званию.

Я уже стал подумывать и свыкаться с мыслью, что мне с такой динамикой срока до дембеля сидеть придётся: досок-то у старшины не было. Хорошо, что потом два придурка из нашей части на машине за водкой в посёлок поехали и перевернулись, и одного из них – водилу Короля – на меня поменяли, чтобы место не терять.

3

Бывают гауптвахты с ужасным, бесчеловечным режимом. Например, в книге одного предателя не предателя, но человека, по всему видно, повидавшего, описывается киевская гауптвахта. Я первые полгода служил недалеко от Киева, в учебке «Остёр», и наслышан был об этой киче... Не приведи, как говорится... – концлагерь истый... Там, рассказывали, по двору нужно было ходить кру'гом, по команде падать, отжиматься и получать удары сапогом от десантников, в камерах там арестованные коченели от холода.

А на гауптвахте нашего гарнизона было очень спокойно и хорошо проходить исправление – в камере, наоборот, было жарко, как в сушилке.

Старшим камеры всегда назначали нашего ракетчика. Считалось, что ракетчики интеллигенты и знают математику. Как будто солдаты ракетных войск в свободное от караулов, нарядов и дежурств время делают расчёты, чтобы точно попасть ракетой в Лос-Анджелес,

а не смазать по Сан-Франциско. Это шутка, конечно, такая ходила, – просто начгуб был тоже с пушками в петлицах и нам благоволил.

Через своего старшего все выгодные работы доставались нам. Поутру мы, например, всегда разгружали молочные изделия, пили потом в камере кефир, а иногда даже газировку. Делились, конечно, и со стройбатом, и с летунами, и даже с вэвэшниками, – они лагерь неподалёку охраняли общего режима, и вражда с ними была страшная; хорошо, что у них своих хватало «нарушителей», и на кичу их вертухаи в караул не заступали.

Предположение Шматова о том, что туалет я буду выдраивать не в штабе, а на губе, не подтвердилось. Этой работой обычно занимались шнуры из непривилегированных родов войск, а из старых – разве что чуханы зачморённые (один у нас сидел – ночью по карманам шарил – бедолага). Но вообще Шматов мыслил реально, он человек был широкого ума, его фуражка имела самый большой в дивизии номер, – откуда он мог знать такие несущественные для службы войск тонкости?

Ещё такая была разновидность солдат редкая – музыканты. Сидел у нас один. С красными погонами, но с лирами, а не «капустой»³ в петлицах. Весёлый был парень и здоровый, в спецназе бы мог по виду служить, но он умел играть на каком-то инструменте – на барабанах или на флейте – и попал в оркестр. Очень он любил с азиатами разговаривать и всегда на их языке, с акцентом:

– Абдурахман, твоя мая понимай?.. Нравится армия?.. Харашо, а?.. Тепло... Старшина добрый – рана будил, Абдурахман кушал...

Те мотали головой: плохо в армии, мол, очень, дома хорошо. А мы смеялись от души. С серьёзным таким видом, помню, говорит:

– Армия – это стадо баран... И Абдурахман баран?..

4

Кормили на губе тоже хорошо, намного лучше, чем в дивизии, правда тарелки и ложки плохо шнуры вымывали (старательных духов и чижей не было на губе фактически), и есть было неприятно.

Курить не разрешалось в камере, но курил я в срок наказания больше обычного – по крайней мере, в полтора раза. Каждый день мы выезжали на работу, там через гражданских покупали сигареты и проносили в камеру. Как нас ни шмонали (особенно краснопогонники усердствовали – пехота, когда их караул был), наши молодые лёгкие регулярно наполнялись ароматным табачным дымом.

Правда, скуривать приходилось сигарету полностью, чтобы не оставалось бычка: на иголку окурочек накалывали и тянули губами почти пламень. Чего там только не выдумали. На нарах, то есть пристёгивающихся к стене щитах, у нас было вырезано шахматное поле, мы играли в миниатюрные шашки из хлеба (для изготовления чёрных шашечек в хлебный мякиш замешивался сигаретный пепел), были у нас и кубики с точками, и даже карты – отрезанные пополам для компактности полководы.

Но в карты было очень опасно играть – всей камере могли намотать по двое лишних суток, а старшему наверняка впаивали десятку. Любая щель, любая чуть заметная дырочка в стене использовалась как тайник для всех незаконных предметов. Особенно вэвэшники были этого дела умельцы и конспираторы (куда там Ленину с его примитивными молочными чернилами).

Вечером после шмона мы спокойно проводили время в камере: играли, курили и просто беседовали, обмениваясь разгильдяйским опытом различных родов войск. Больше всех мне

³ См.: Примечания.

стройбатовцы понравились – лихие ребята. Они себя гордо называли на голливудский манер вэстэрами, от ВэСтр – военный строитель, значит. У них можно было на трое суток из части слинять, и никто не замечал этого. Не как в РВСН: часть, с понтом, постоянной боевой готовности: шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству. Хотя и у нас части разные были. Полк мобильных ракет «Тополь» на шестнадцатой площадке как-то по боевой тревоге в течение дня собирался – к обеду шнуры поподтягивались из самохода, к вечеру – старые с офицерами подошли.

Никакие нормативы нашей армии не нужны с такой мобильностью, мы пока доберёмся до их выполнения, американцы три запуска успеют произвести. Но зато Советская армия была сильна своей непредсказуемостью: «Кто на красную кнопку сапог поставил?!»

Несмотря на динамику моего срока, прошёл он быстро.

В армии нетрудно сидеть в заключении, – армия сама заключение. Да ещё какое! В дисбате, говорят, совсем плохо. Здесь, наверное, как общий режим со строгачём соотношение.

Как-то к нам в дивизию из лагеря взвешный офицер приезжал. Сопнали всех серо-буршинельных в клуб. И он лекцию проводил просветительную. Рассказывал, как ээки у них на зоне отбывают наказание.

Цель этой беседы была – застращать нас ужасами лагерных порядков. В дивизии тогда повысилась преступность, злоумышленники из солдат роты охраны ночью взломали чепок, а в инженерно-сапёрном батальоне одного чижа забили насмерть. Получилось же наоборот – как реклама. И кино ээкам регулярно показывают, и в рации овощи, и работы интересные, и специальность получить можно. Не зря на губе стройбатовец, отсидевший до службы, говорил, что на зоне лучше, чем в армии, – в армии беспредельней.

Старшина появился неожиданно. Сначала Короля завели, потом меня вывели. Отдали обратно ремень. Начгуб хотел мне не мой, дерматиновый, подсунуть – ловкач. Но я и тут отстоял свою позицию и получил кожаный ремень, правда не свой, а более старый. Они там, в сейфе, всех арестованных вместе, как сплетённые в клубок змеи, находились. Где там было мой отыскать – невозможно.

Дорога в облака

В последний день моего заключения на гауптвахте мы с музыкантом, Кошкельдиевым и ещё одним чудиком из стройбата поехали строить новую комендатуру. Вместе со стройматериалами мы тряслись в кузове ЗИЛа на серых улицах города. Нас пронизывало в открытом кузове.

– Не май месяц, – процедил музыкант, взъерошенный, в красных погонах.

– И климат ближе к северному, чем к южному, – сказал я.

Маска скифских изваяний не сходила в тот день с лица Кошкельдиева, а военный строитель смотрел на прохожих, пробуя рукой ветер за бортом ЗИЛа.

ЗИЛ въехал в ворота КПП. Солнце где-то пряталось: небо зияло сыростью, наводя тоску по дому. От того, что в камере было жарко, холоднее было на улице. Кутаясь в шинели, мы занесли минеральную вату, фанеру и доски в комендантское помещение. Два плотника ставили стенку, разделяя простор старого дома. Мы стали поддерживать фанеру и подавать им молоток.

Работой руководил прапорщик в лётном бушлате. Он сдвигал на затылок фуражку из ателье, без знаков различия больше напоминая разухабистого капитана или старлея.

Лётный прапорщик весело представился Алексеем и разговорился с мужиками. История его жизни излилась тогда на безразличных плотников и как бы несуществующих солдат-арестантов. Прапорщик говорил непринуждённо, обращаясь к гражданским, но будто невидимому вездесущему слушателю, в пустоту или в вечность. Он был весел, двигал фуражкой и выворачивал душу.

В детстве Алёша мечтал об истребительной авиации. Авиапарады в Тушине вызывали в его душе волнение: неделю потом, ложась в постель, он видел заходящие на вираж серебристые звенья МИГов, снова его охватывало чувство радости, и он ворочался, подолгу не мог уснуть.

Но отец Алёши, несмотря на довольно заметную в партийных кругах фамилию, был интеллигентом. Он считал, что в армию идут глупые люди, а не такие, как его Алёша, который в шесть лет знал таблицу умножения и учил английский язык.

Стальная логика чеканила слова отца – разве умный добровольно выберет военную службу? Наконец – существует пассажирский воздушный флот и Московский авиационный институт. Но почему-то мирные самолёты не приводили в восторг этого мальчика, оставляли его равнодушным.

Ломая график начальника, отец проверял уроки и говорил притчами: «У отца было три сына: два умных, а один – футболист». И покорный сын вместо футбола спускался в метро с широким мольбертом, стесняясь своего вида. Алёшу ждало будущее, серебристые мечты невинно падали с неба под мудростью отца и ложились ватой под материнским страхом. Он шёл на медаль и поступил в престижный вуз (с бронью от службы в армии).

Когда Алёша был студентом, его мама говорила: «Мальчик учится», – и давала деньги. Подросший мальчик больше заинтересовался девочками, чем сопротивлением материалов. Теперь он был выразителен и отравлен ядом цинизма (ядом, сбивающим лёгкий ритм девичьих сердец); он играл печоринские роли и доигрался: очередная девушка невнимательно отнеслась к порыву его души, оказавшись стервой.

Об этой распространённой истории не хочется и говорить, но Алексей впал в депрессию и забрал документы из института на втором курсе.

Пришла повестка из военкомата и долго лежала на столе. От повестки мама расстраивалась, у неё начались красные пятна на лице. Мама плакала, а нестигаемый отец ходил по московской квартире, роняя предметы. Его принципы рушили красные пятна: он снял трубку

и набрал номер из блокнота. Звонок оказал влияние: Алексею выдали военный билет без записей о службе; он швырнул билет в тумбочку и бродил по аллеям, отрешаясь от мира.

На следующий год его восстановили в институте. Это был уже не тот баловень судьбы. Неуловимые чёточки сделали его лицо загадочным и даже с неким привлекательным для институтских барышень траурным оттенком. Теперь это был замкнутый молодой человек. Он не встречался с девушками, чем ещё больше распалял их интерес. В конце концов, ему перестали делать глазки, вынеся диагноз: «странный». Когда Алексей бросил институт на четвёртом курсе и ушёл в армию, этот диагноз вполне подтвердился.

Обманув бдительность родителей, он добился переосвидетельствования. (Что, впрочем, оказалось несложным.) Всё же это был редкий случай – человека с «белым» билетом взяли в армию. Но как учит нас жизнь – нет ничего невозможного.

Алексей попал в вертолётную авиацию. Отец на него обиделся и не пришёл провожать. Может, отец сказал: «Он мне не сын», – или что-то в этом роде. Пришла только мама и плакала на сборном пункте.

За час до обеда в помещение комендатуры зашёл тощий и длинный, как шланг, майор.

Незнакомый майор сказал: «Здесь арестованных недопустимо много», – и выгнал меня и военного строителя рыть траншею.

Здрав воротники шинелей, мы недолго поимитировали лопатами, выбивая хрупкую крошку земли; а по дороге на кичу восторженный музыкант дорассказал мне историю «летуна». В кузове бросало: музыкант сбивался на прогноз меню предстоящего обеда и другие темы.

Отслужив два года, Алексей чуть не попал в дисбат за драку с айзерами (или узбеками). Он не поехал на дембель, потому что ему присвоили звание «прапорщик» и послали в Афган. Может, он закончил курсы, получив квалификацию.

В Афгане офицеров косила желтуха, освобождая вакансии. Алексей выказывал характер: гонор выжившего в «чёрной эскадрилье»⁴ и прожжённого солью фронтового пота москвича. Но он рвался в небо и стал летать в экипаже бортехником в разгар войны.

...Две вертушки жались над барханами к сухой земле и ныряли в изгибы гор. «Пехота» просила «воздух» в эфире, заполняя площадку трофеями чужого каравана и своими ранеными. Обещая зарвавшейся пехоте смерть, солнце садилось в непокорные скалы; моджахеды подтягивались для броска, их дерзкие фигурки били из-за камней всё прицельней. Тогда, ревуший от трофеев вертолёт случайно не зацепился за скалу, выбираясь из ущелья и получая пробоины.

После этого случая прапорщик Алексей служил на земле: пуля повредила ему локтевой нерв на излёте.

Я дембельнулся и забыл рассказ прапорщика. Вернее, я о нём не вспоминал в потоке гражданской жизни. Необычная жизнь разительно хлестнула в уши возгласами: «Водочка! самогончика!», предвещающая рекламу на каждом шагу. Два года назад я рыскал по городу, как юный следопыт, и получал две бутылки после часовой очереди. С зятем мы три раза занимали очередь, чтобы позвать гостей на мои проводы. Теперь мне дали ваучер, я поступил на истфак и не мог жениться, не поддаваясь соблазнам коммерции и бандитизма. Бушевала инфляция, я изучал промыслы египетских жрецов и исход евреев из Египта. Потом появилась песня Сюткина: «Любите, девочки, простых романтиков: отважных лётчиков...»

Когда я слышу эту песню, перед глазами стоит человек в синем бушлате, унылое небо над двориком комендатуры, и уже в другом небе (почему-то жёлтом) вертолёт над складками гор.

⁴ См.: Примечания.

Орёл Шестого легиона

... – Я был счастлив на войне!.. Вам никогда не понять этого... Всё спокойно, голубое небо, солнце... Загораешь, а бойчишки роют... А душа-то знает... Она всё знает... Она чувствует... Это кайф... Идёшь в колонне, и сидит игла, глубоко где-то – в каждую секунду рванёт... И хорошо, если не разлетишься в клочья... а просто вмажет... в обочину... А пули когда свистят над ухом... Чувство, я вам скажу... Да вообще... смерть штука тонкая. Вот какого хрена мы бухаем, курим эту гадость?.. Приближаем смерть... Но очень медленно... И кайф медленный...

Рассудки волокно туманом. На столах опрокидывались чашки с водкой. Мы отмечали сессию, и Юра Белов учил нас жизни. Бывший офицер, он комиссовался из армии и с какого-то прибабаха попал в очное отделение истфака лет в двадцать пять – нам всем было по семнадцать-восемнадцать.

Этот необыкновенный студент носил костюмы, бесцветную шевелюру располагал выгодно скрывая плешь, прихрамывал от тяжёлого ранения – но как-то лихо, с выправкой... Не красавец в общем-то... С лицом хоть и голливудских суровых форм, но помятым оспинами – довольно невзрачным... А девки за ним бегали...

К страданиям женской души Юра относился безразлично. Больше его интересовали ноги и другие выразительные места. Попал он в настоящий цветник, и не терялся.

Конечно, выпивал Белов не по-детски. И если напивался, то вдребезги, с разгулом. Тогда он крушил всё, что попадалось под руку в общежитии: от дверных стёкол до студентов-полицейских. Эти парни в наивных камуфляжах не сразу догадались подружиться с шумным жильцом. Зато потом студекопы настолько прониклись симпатией к Белову (удар-то у него хлёсткий был, на солдатах отлаженный), что стали Юре всячески оказывать внимание и даже предупреждать о милицеских рейдах.

На дворе стояла эпоха терроризма – на фоне нарушения режима регистрации и пьянства. А с пьянством, понятно, бороться легче, чем с терроризмом, – так же бесполезно, но прибыльно и неопасно.

Белов плевал на рейды... «Сержант! Выйди и зайди как положено!» – ревел он на тружеников правопорядка... С ментами такие штуки не проходят, у ментов лица кирпичом, осенённые законностью, это тебе не полиция нравов для студентов: Юру забирали на ночь в уютную камеру, к бомжам и пропившимся аспирантам.

О приводах в милицию не всегда сообщали в университет, но и без того жалобы на Белова сыпались отовсюду, и по самым разным поводам. Ректор приходил в отчаянье – мало у него своих проблем? – и вызывал Белова для отчисления.

«На ковёр» наш герой входил в орденах и медалях. Строгий ректор спускал пар, постепенно умилялся от боевых наград, вспоминал военное детство и голодные годы, однако на втором курсе Белова всё же отчислил за беременность первокурсницы.

Мама закатывала скандал, незадачливая невеста строила растерянные глазки и всхлипывала, – но жениться Белов отказался наотрез... Хватит... Он уже ставил подобный жизненный опыт. Да и не может он жениться на всём филологическом факультете (девочка была оттуда) ... Короче, свободу на высшее образование Юра менять не согласился ни в какую. Ему к тому времени и самому надоел скучный университет, а ректору, несмотря на трудное детство, надоели боевые награды – сколько можно их лицезреть, в конце-то концов!

А учился Белов совсем неплохо.

Экзамен. Накал страстей. Все в толстые книжки уткнулись от страха (вот уж действительно бесполезное занятие – перед смертью не надышишься). В самый разгар заявляется Юра:

– Что главное при сдаче экзамена? – Здесь он ехидно держит паузу и расстреливает группу взглядом. – При сдаче экзамена главное – не забыть зачётку!

И дверь на себя без очереди, с видом, как будто он пришёл не сдавать экзамен, а принимать.

Я по мальчишеской наивности, а скорее из зависти, видел в нём везучего дурака. До тех пор, пока не оказался с Беловым на зачёте за одной партой.

Зачёт по русской культуре принимал профессор Минц. Старый коммунист, совершенно непробиваемый жалобами девушек на увеличение живота. Парней Минц вообще ненавидел. О взятке не могло быть и речи.

Когда уже полгруппы понуро рассматривало дырку от бублика вместо записи «зачтено», Белов вошёл в аудиторию в своём самом парадном кремовом костюме и в галстук с золочёной булавкой. Вообще он одевался крайне элегантно (не столько дорого, а именно элегантно), особенно в дни экзаменов и трудных зачётов – по принципу «экзамен для меня всегда праздник».

Сначала Белов рассказал всё, что знал о «Повести временных лет». А знал он, что таковая была и являлась первой русской летописью. Но Юра вывел эту мысль на оперативный простор, вплоть до корпения бедных писцов под страхом смерти в монастырях.

Я слушал, и мрачные кельи с монахами, гробящими зрение для русской истории, стояли у меня перед глазами.

– А в каком веке появилась «Повесть временных лет»?

Белов ничуть не смутился:

– В десятом.

Сморщенные глазки Минца широко открылись. (Этот преподаватель никогда не говорил: «Неправильно». Только слушал, задавал вопрос, а потом оценивал.)

– А письменность на Руси в каком столетии возникла... кхе-кхе?

– Тоже в десятом.

По новейшей концепции Белова получалось, что русичи, едва научившись писать, тут же задумались о потомках и засели за летопись, не жалея сил под руководством Нестора.

Вторым вопросом у Белова значилось древнерусское зодчество. Кто-то ему подсунул шпору с неразборчивым девичьим почерком и сокращениями. И он начал живописать зодчество...

– Что это за закомарники? – не выдержал удивлённый профессор. За пятьдесят лет карьеры он услышал новый научный термин. (А речь шла о закомарах – это такие полукруглые завершения стен под сводами храма, просто Белов так разобрал «закомар.» в шпоре.)

– Может, накомарники? – брызжит Минц.

– Может, и накомарники. – В шпоре-то неразборчиво написано.

– А может, это от комаров?

– Может, и от комаров. – Юра допускал такой вариант применения неизвестного элемента зодчества – почему бы и нет?

Потом старик достал открытки:

– Что это за собор?

– Софийский. – Белов других не знал.

– А где он находится?

Юру такая постановка вопроса привела в лёгкое замешательство... Он был твёрдо убеждён в наличии исключительно одного Софийского собора, киевского, потому что в военном училище интересовался историей и даже что-то читал про Киевскую Русь на самоподготовке.

– Но не в Киеве?..

– Не в Киеве... кхе-кхе.

И тогда Белов оценил местность – а на открытке снежок искрится и деревья большие, хвойные.

– Новгород!

Минц поставил зачёт и вспоминал потом эти накомарники, пока не умер за кафедрой от инсульта.

Нет, Белов дураком далеко не был. Он мог самый скупой фактик с даткой из программки обмусолить и так, и сяк. Вспоминал редкие подробности древних сражений: «...Скачет шеренга рыцарей в стальных доспехах (это у него в античном Риме рыцари) ... Блеск лат мешал целиться лучникам, они редко попадали в цель и поэтому проиграли сражение...»

Когда Белову совсем не хватало материала для ответа и злорадный экзаменатор дожигал его наводящими вопросами, Юра невзначай привязывал историческое событие к факту из собственной биографии: «...Да. Рубикон – это река... И Юлий Цезарь задумал тяжелейшую операцию. Вы представляете?... Переправить такую массу солдат и коней через бурные воды?... Когда мы форсировали Сунжу...» А уж про форсирование Сунжи, и всех остальных водных преград с использованием плавсредств, Юра мог рассказывать долго... В общем, я не помню, чтобы он попал на пересдачу, хоть на троечку, но выкручивался.

Интересно, что Белов, казалось, презирал излишнюю образованность, но на экзаменах выражался ярко и поэтично, как писатель. И конечно, козырял не к месту всякими изящными военными словечками типа «ротация», «рекогносцировка»... От физкультуры его освободили, но кросс Юра любил. На своих побитых осколками ногах он добровольно пробежал три километра и бег обзывал ускоренными передвижениями. Говорил он ещё «пардон» вместо «извините» – поручик царской кавалерии, блин...

Преподаватели, как известно, пунктуальностью не отличаются. И ровно через двадцать минут опоздания лектора Белов увлекал за собой группу из аудитории – было такое право у студентов, негласное, но без Юры мы не решались им воспользоваться.

Сам же Белов присутствовал на занятиях редко, а опаздывал, наоборот, часто. На вопрос: «Почему опаздываете?» – он честно отвечал: «По ряду причин», – с достоинством проходил, усаживался за парту, небрежно вынимал из папочки тетрадку (одну для всех предметов), великолепный Parker из кармана и обращал ласковый взор на застывшего кандидата наук – можете продолжать...

В День исторического факультета приходили выпускники с лицами высокомерной радости. Некоторые несли на руках детей, вели мужей и жён; большинство всё же ностальгически отбивалось от семейных уз – и тогда уже по полной: один юный директор сельской школы поскользнулся, раздавил очки и едва не задел декана блевотиной, а не слишком свежей красоты дама перепутала в мужском туалете археолога Кукуяна с оставленным на хозяйстве супругом... Студенты и преподаватели разыгрывали на сцене представление. Команда КВН в одежде султана и его гарема бросала в зрителей эссенции истфаковского юмора на восточный мотив. Актёрский зал гудел, гоготал, смех тонул в музыке, замирал и снова взрывался. Осторожно хлопали пробки шампанского выпускников. Студенты под шумок набирались дешёвым вином и водкой.

Под закат торжественной части, когда демократичные преподаватели вдоволь над собой поиздевались в сценках, доцент Павловский заскандировал: «Истфак пил! Истфак пьёт!! Истфак будет пить!!!» Белов в распахнутом светло-стальном плаще и с пластиковым стаканом в руке взбежал на сцену, всучил стакан обалдевшему Павловскому и потребовал выпить до дна: «За истфак!» Зал ликовал... Юра запел гимн факультета.

*Пусть я убит у Ахерона,
И кровь моя досталась псам,
Орёл Шестого легиона,
Орёл Шестого легиона,
Всё так же рвётся к небесам...*

Забарабанили спинки сидений. Зал вставал. Гул осёкся, песня захватывала ряд за рядом, набирая мощь. Галёрка из выпускников отставила бутылки и подхватила:

*Всё так же горд он и беспечен,
И дух его неукротим.
Пусть век солдата быстротечен,
Пусть век солдата быстротечен,
Но вечен Рим! Но вечен Рим.
Пусть век солдата быстротечен,
Пусть век солдата быстротечен,
Но вечен Рим! Но вечен Рим...*

Мы стояли и пели. Горячее чувство веселья, единства, воли и озорства распирало грудь, заражало, рвало плакаты со стен наэлектризованным воздухом.

*Сожжён в песках Еришалаима,
В водах Евфрата закалён,
В честь императора и Рима,
В честь императора и Рима,
Шестой шагает легион.
В честь императора и Рима,
В честь императора и Рима,
Шестой шагает легион.
Пот, кровь, мозоли нам не в тягость,
На раны плюй – не до того!
Пусть даст приказ Тиберий Август,
Пусть даст приказ Тиберий Август,
Мы с честью выполним его...*

Как ни странно, никто из нас не спился от усердной учёбы. Все стали приличными работниками всевозможных учреждений. От таможни до магазина «Детский мир». В школу пошла ненадолго только Светка Гнедаш. А Юра исчез.

Звёздный час Луноходова

В первый день занятий на военной кафедре Аполлонов успел стать на левом фланге. Строй студентов вытягивался в коридоре. Полковник Измеров, отсекая опоздавших, дал команду Аполлонову: «Закрой дверь».

Аполлонов закрыл дверь и возвращался.

– Почему опаздываете?! – оборвал его Измеров.

– Вы же сказали закрыть дверь?..

– Кто вам сказал?! – Измеров оглядел неформального студента исподлобья и упёрся взглядом в Щелкунова. – Товарищ подполковник, разберитесь!

Вытащив серьгу из левого уха и сбив кислотный бобрик, Аполлонов долго ходил в наряд. Он сидел у злополучной двери, невнятно отвечая в трубку телефона.

Аполлонов был из богатой семьи разведённых родителей. Говорили, что он вхож в подпольный свингерский клуб и имеет гомосексуальный опыт. Опыт наркотиков у него имелся точно. Он чего-то глотал. Потом как призрак переходил в аудитории, не замечая вопросов. Ещё Аполлонов пил водку (хорошими порциями) и не мог посещать военку регулярно. Он заранее готовил уважительную причину.

К его счастью военные преподаватели не улавливали перегар, а память полковника Измерова испортилась в танковых войсках. Как-то, посылая отряд студентов на помощь биологическому институту, Измеров назначил Захарова старшим: «Захаров, прибудете на кафедру – сразу доклад мне».

Когда Захаров начал доклад, Измеров сказал: «А, Захаров, и ты там был?»

В общем, Аполлонов четыре раза проходил флюорографию, два раза встречал сестру из Киева и три раза её туда провожал. Однако, исчерпав воображение на четвёртом курсе, Аполлонов честно признался Измерову, что сегодня он «после вчерашнего» и не может вынести обучения. Это была роковая ошибка – Аполлонов прослыл алкоголиком.

Военка проходила два курса. Раз в неделю. На третьем курсе – в четверг. На четвертом – в понедельник. Можно было не ходить. Но тогда год службы солдатом без вопросов. А так – два, под большим вопросом. И офицером. Было о чём подумать... Большинство выбрало военку, подписав контракт. Даже Захаров, который в армии отслужил до университета. Но Захаров – это другая тема.

Главное на военной кафедре – не опоздать на построение. После проверки нас заводили в класс. Минут сорок мы сидели за партами. Открывалась дверь. Вваливался Щелкунов в запахнutoм кителе, наш куратор.

– Так, ты! Встать!.. – орал Щелкунов, направляясь к трибуне лектора. Всегда засыпающий Аполлонов стоял.

– Открыли тетрадки... Записали... Мотострелковый взвод в обороне.

После чего Щелкунов уходил. Мы переписывали лекции по нужным предметам и разговаривали. Дверь распахивалась через час: «Встать!» – тыкал пальцем Щелкунов в Аполлонова.

– Пишем... Мотострелковый взвод в наступлении.

– Товарищ подполковник, мы же написали: в обороне? – робко говорили мы.

– ...Зачеркните. У меня открыто на наступлении.

Щелкунов бубнил два абзаца и уставал. Нам приносили учебники из библиотеки. Ставилась задача до вечера: «Переписать всё отсюда!»

Подполковник Щелкунов любил пошутить: «Главное – движение. Вот я, встаю утром, делаю зарядку, и целый день в движении»... Этот преподаватель не забывал фамилий студентов как Измеров. Он их путал. Он спросил: «Где этот опять Луноходов?»... Класс замер. Минуту мы соображали в тишине. А потом выпали на парты от хохота.

– Встать! – орал Щелкунов, тыкая пальцем в студентов.

Так Аполлонов стал Луноходовым. Новая «фамилия» подошла ему: она выгодно обрамляла его личность.

Перед сборами Луноходов пришёл на военку в гипсе, со справкой о закрытом переломе. Его освободили на основании справки.

– Почему не были на сборах?! – спросил его Измеров после сборов.

– Я же приносил справку?.. – ответил Луноходов, расширяя глаза.

– Да... Вы приносили... Но я её потерял... Почему не были на сборах?!

Луноходова чуть не отчислили. Потом он принёс новую справку и получил в аттестационный лист «удовлетворительно». Единственный. Остальные прошли военную подготовку более успешно.

Когда нам стали приходить повестки, Луноходов пришёл к Щелкунову и сказал:

– Николай Анатольевич... Короче... Помогите не попасть в армию. – На слове «короче» он достал иностранные деньги из кармана.

– Хорошо, – сказал Щелкунов, потирая засаленные ляжки.

Личное дело лейтенанта Аполлонова легло на другой стол в военкомате.

Началась война. Наши войска наступали в Дагестане под победные реляции телевизоров. Тогда Луноходов пришёл к Щелкунову и сказал:

– Николай Анатольевич... Короче... Помогите попасть в армию.

Радостный от постоянного клиента Щелкунов устроил Луноходова в десантный полк. Он сказал: «Приходи, если ещё что-то нужно».

В декабре девяносто девятого мой мотострелковый батальон менял 56-й ДШП на Цореламском перевале. Десантники плескали соляру в сырые дрова на позициях, покрываясь гарью. Из толпы отделилось тело в бушлате. Это был Луноходов. Мы обнимались и пили за встречу из моей фляжки.

– Вован! Иди к нам! – кричали бойцы Луноходову, расплавляя подошвы в кострах. Луноходов побрёл в клубы дыма, виновато выдёргивая длинные ноги из жижи.

Когда на пехоту надевают голубые береты, она тут же теряет последние боевые свойства. Эти «павлики» за две недели не вырыли ни одного окопа. «Олень!» – думал я об однокурснике, размечая сектора обстрела. В грязь ложились снежные хлопья. Десантура уходила в горы. Злая пехота зарывалась в липкую землю под мат командиров.

В отпуске Луноходов зашёл на военку за справкой о прохождении сборов. Он хотел уволиться на месяц раньше. Было такое положение.

Он держал ушитый берет в левой руке, а правой часто поправлял серебряный орден на впалой груди. Подполковники жали ему руку, наливая водку со своего стола. Ему бесплатно выписали справку и уговаривали провести беседу.

Измеров представил боевого офицера в классе:

– Гвардии старший лейтенант Лу... – Аполлонов, – поправил гвардии старший лейтенант, – Да... Аполлонов... Закончил военную кафедру с отличием! Проявил мужество и героизм в контртеррористических операциях!..

Это был звёздный час Луноходова. Он расправил неформальную осанку и сыпал подвигами в студентов. Его стеклянные глаза отражали стальной блеск воздушного десанта.

Хорошо быть Захаровым

На военных сборах Захаров отстранился от мероприятий, потому что отслужил в армии перед университетом и имел опыт. Он не ходил на построения, а охранял имущество роты, которое быстро выдали.

На вечерней поверке, когда ответственный подполковник доходил до фамилии «Захаров», мы кричали: «Охрана имущества роты!» Это была веская причина не стоять на поверке.

Алику Захаров говорил: «Оставь хоть пару лопат для отмазки». Но Алик выдал лопаты и все одеяла. Захаров охранял пустое пространство палатки. Он читал книжки, спал, играл в шахматы, наслаждаясь обилием шахматистов.

Мы прибыли раньше всех, чтобы подготовить лагерь. «Отдельная команда, подчинённая лично подполковнику Щелкунову». Я, Захаров, Алик Боджоков, Иванцов, Дима Вязниченко и Ластовский.

Вязниченко с Ластовским увезли на офицерские дачи полоть сорняк. Мы вчетвером натягивали палатки. Последние кольца Захаров вмолачивал в землю кувалдой на глазах изумлённой роты.

Зампотыл сборов Щелкунов сказал о палатках: «Как бык поссал!»

Потом мы считали одеяла: Щелкунов в шутку присвоил Боджокову ефрейтора и назначил каптёрщиком. Захаров не понял шутку. Он пришёл Алику на погоны лычки и назначил себя заместителем каптёрщика. (Сам Захаров после армии имел звание «сержант».)

Командиром нашего взвода был юрист Кириленко. Таких в армии, когда они туда попадают «пиджаками», называют агрономами, даже если они юристы. Вообще-то, агрономами называют всех пиджаков, но Кириленко был бы самый агрономистый агроном, с оттянутыми коленями афганки над голенищами сапог и брезентовым ремнём подмышками. Он был занудой и не хотел мириться с нашим отдельным подчинением.

– Кириленко! Ещё раз тебе объясняю... Наше отделение к тебе в список входит для отчётности, а на самом деле оно выполняет специальные задачи и подчиняется только лично Щелкунову. Понял?.. – говорил Захаров Кириленко, любуясь гармошкой своих кирзачей.

Но Кириленко не понимал, и мы пошли к Измерову, начальнику сборов.

Кириленко пускал пузыри в жалобах. Захаров с Аликом застыли за его сутулой спиной, надев кителя с лычками. Я был рядовым и стоял так, как будто меня здесь нет. А Иванцов вообще не пошёл.

Но Измеров оказался в хорошем настроении. Захаров сказал ему:

– Разрешите... тарищ полковник... У нас одеяла, специальный инвентарь – имущество (!) ... Здесь ходят внимательные к имуществу солдаты. Необходим один человек на охрану.

Измеров понимающе улыбнулся и сказал: – Кириленко. У них один человек всегда в палатке.

У Кириленко больше не возникали вопросы, хотя с подчинением «специального отделения» он не вполне разобрался. На всякий случай он особенно не привлекал и меня с Иванцовым. Я сам находил себе приключения, неся бремя дополнительных работ.

Вообще нас в палатке было восемь историков и социологов. Кто-то откупился от сборов по семейным обстоятельствам. Аполлонов не поехал из-за закрытого перелома в нетрезвом виде. А Ластовский с Вязниченко приезжали к нам на стрельбы, прервав прополку. Они говорили: «Самая лучшая дача у Щелкуна». Мы это и сами знали в процессе учёбы. Поэтому Щелкунов возглавлял тыл – он умел воровать лучше других подполковников.

Но стрельбы – это святое! Даже если они идут в ущерб личному дачному строительству. Стрельбы и Захаров посещал с удовольствием. Он говорил: «Кайф!.. Пять лет не брал в руки боевого оружия». У него возникло сравнение с сексом. Автомат выиграл это сравнение.

Я тоже не очень удачно стрелял первый раз в жизни. Я не знал, куда нужно целиться: в грудь мишени или под срез, и целился то туда, то туда – по очереди.

В боксах на полигоне лейтенант рассказывал нам о танках. Что уже изобрели летающий танк⁵, и что в войска он поступает пока только в китайские. Он спросил у нас – кто мы... и сказал: «Понятно». Это был молодой лейтенант, недавно из училища.

Пыльная дорога вела нас в лагерь. Нас окружала полужёлтая трава по колено. Утром сухая трава вздрагивала от росы, мы убегали на зарядку, а Захаров досматривал сон. После подъёма ему некрепко снился ряд палаток и вбитые пеньки для лавок возле полевой кухни. Наполняя жестяной бак водой, социолог Топчий обернулся и сказал голосом подполковника Саламатина: «Не понял?!»... Пока Захаров опускал ноги в тапочки и тёр глаза, Кириленко лепетал про охрану имущества.

– Почему не на зарядке?! – спросил Саламатин у Захарова.

– ...По причине предварительной службы в армии, – Захаров сформулировал трудные слова, правильно забыв об охране имущества роты. Имуществом являлась одинокая лопата. (Этой лопатой я вчера выкопал могилу своему окурку.)

– Не понял?! – сказал Саламатин, вылезая из палатки. Кириленко тянул шею, ожидая высвобождения выхода. Спина Захарова опустилась под одеяло.

Питались мы намного лучше, чем подводники в День флота. Алику ежедневно привозили большие пакеты пищи родственники из аула. Мы наслаждались шоколадной пастой, адыгейским сыром и хорошими сигаретами «Кент». А в импровизированной столовой давали кашу и кильку. Кильку – благодаря коммерческим операциям Щелкунова. Без них нам бы давали минтай. Наверное, килька стоит дешевле минтая.

Дома Захарова ждала жена, но он не хотел туда ехать. Когда мы приняли присягу, Щелкунов зашёл в палатку, свешивая пузо над семейными трусами. Он сказал Захарову:

– Сдавай всё Кириленко и свободен.

– Разрешите остаться, – сказал Захаров.

– Почему? – удивился Щелкунов.

– Я ещё недостаточно освоил военную специальность.

– Пиздуй домой! – сказал Щелкунов.

Захаров остался, и Измеров объявил ему благодарность перед строем в конце сборов.

После завтрака рота с песней о героях былых времён ушла в танковый батальон носить траки. Я остался собирать дрова за опоздание из увольнения, а Захаров читал книжку за столиком у полевой кухни.

Подполковники Саламатин и Холод проходили мимо столика.

– Как фамилия? – спросил Саламатин.

– Захаров, – ответил Захаров.

– Хорошо быть Захаровым, – сказал Саламатин Холоду.

Я осторожно ступал между кучами загаженного студентами леса и принёс охапку сушняка на кухню. В палатке Захаров читал на своей кровати. Он закрыл книжку «Конармия» и посмотрел на меня:

– Ты где был?

– Дрова собирал в лесу.

Я мялся под его взглядом и сказал: – Везёт тебе, никуда не ходишь...

– Послужи два года и тебе повезёт, – сказал Захаров.

Я послужил. В Чечне меня контузило снарядом нашей самоходной артиллерии. Снаряд упал совсем близко. Мне повезло. А может – нет... Только идиот знает, что хорошо, а что плохо, даже если идиотов большинство.

⁵ См.: Примечания.

Это был девяносто седьмой год. В девяносто восьмом мы закончили университет. Многих призвали. Мы были пушечным мясом с лейтенантскими звёздами. На военке мы переписывали учебник по тактике в тетрадки («отсюда – до вечера»), разгружали блоки на дачах подполковников и несли шампанское с апельсинами вместо знаний на зачёт.

Мы стреляли два раза. Нам даже показали танки и БМП. Но не показали БТР, на который мы учились. Впрочем, большинство попало на БМП. И большинство выжило. Из выпуска военной кафедры девяносто седьмого года не вернулось два человека. Но сколько мы сгубили бойцов?..

Измеров заявил нам на первом занятии: «Наша (офицеров военной кафедры) задача – чтобы вы не попали в армию» (?). Потом Измеров пришёл на похороны Вязниченко.

«Не судите, да не судимы будете...» На склоне военной службы трудно разобраться в её смысле, особенно когда смысл рухнул.

На сборах Захаров научил нас мотать портянки и подшиваться. Это всё, что мы умели как командиры мотострелкового взвода на БТР-80.

Дорога сворачивала

Макс! Привет дружище! Мы пьем втроем у меня!

Дэн шлет тебе пламенный привет! Он работает в котельной.

А у вас есть атипичная пневмония? У нас только триппер. Дэн спрашивает, чем лечат триппер у Миши Кудинова? Денис Головлев болен два раза, а Миша не поддается. Он обиделся. Ведь Миша Кудинов находится в армии и ведет там кровопролитные бои в Чечне. Он каратель. Но добрый – вэвэшник. Поэтому его наградили орденом за отвагу и медалью за мужество. Сейчас он показал медаль. Он спрашивает, можно ли служить в армии США без грин-карты? А то у него контракт заканчивается. Узнай, пожалуйста. Позвони на пункт вербовки.

Здесь растет анаша. Вставляю! Ведем здоровый образ жизни. Американцам глубоко сочувствуем. Понимаем их проблемы. Горячий привет им.

Ты мурлокотан американский!))

Денис Головлев и с ним Кудинов.

Что не пишешь нам?

Yznau tvoi umor. Kogda protrezveesh, napishi eshe raz, esli est` o chem.

Не трезвеем никогда!!!

Privet Boris. Ne znal kak otvetit` na vashe pis`mo. Ia ne xochy bit` kakim libo obrazom prichastnim k voennoi kariere Mishu. Eto ego jizn`, emu reshay`, no ia sodeistvovat` v voennix voprosax ne xochy. V ostal`nix sferax jizni – vseгда gotov kak moy posodeistvovat`.

Privet Mishe i Denisy.

Третий день не засыхаем! Поднимаем тост твоего здоровья! Миша обиделся. Он думает, какого хера ты живешь в Америке, несмотря на свой гуманизм? А зачем тебе понадобились жизни этих бедных и несчастных иракцев, сербов, афганцев, арабов и индейцев?

Ведь ты платишь налог. А на этот налог дядюшка Сэм бомбит лазерными ракетами невинные города и иракские села!

Дэн спрашивает отдельно от Кудинова: если Миху нельзя забрать в американскую армию, то можно его хотя бы в пластические хирургии, как тебя?

Кудинов отдельно от Головлева спрашивает: Макс, чем лечат триппер?

С почтением, Денис Головлев и Михаил Кудинов.

Записал с их слов и перевел на доступный американцам язык Борис Левинсон, кандидат философских наук.

* * *

Он не ответил им. Он не знал, как ответить.

Алый Жеер мягко мчал его в тягучем мареве Техаса. Макс плавно обогнал одинокий Blazer, нахмурился.

Вспомнилась зима, двор, огороженный промозглыми пятиэтажками, мальчишеский хоккей без коньков, хилый Борька, очкарик и всегдашний вратарь. Лицо ухоря Мишки – баловня одноклассниц – забылось начисто. Головлёв – кто такой Головлёв?

Дорога сворачивала. Впереди неясной точкой показалась фура. Её очертания надвигались, неся непонятное беспокойство.

Кто такие шмаровозники

В Астрахани меня вывели за штат. События моей жизни вдруг оборвались. В тот год я, как мятежный пират, уцелевший и в корабельном бунте и в шторме, болтался без дела, не зная, куда приткнуться своё буйство.

Я снимал саманный домик: он строился как временка, был мал, низок и скособочен. Здесь, внимая русской вековой мудрости, я просто ждал, надеясь, что авось что-то изменится само. Так, в общем-то, и случилось. Меня уволили. Потом по суду восстановили, и, хорошенько отдохнувший, я уехал в Грозный...

Но, вспоминая позже тот неполный год, я думаю: какое это было прекрасное время... Был ли я счастлив? Пожалуй, всё-таки нет, человек ведь всегда недоволен своей жизнью.

Сантуций

В чёрные южные вечера, когда наконец тебя обдаёт свежестью погасшего дня, ко мне приходил Сантуций. Был он родом из Темрюка, служил в Волгограде, мы с ним учились в Краснодаре в университете, а в Астрахань его занесло потому, что у него здесь открылось наследство – вполне приличный кирпичный дом его бабушки на улице Ветошникова, – я был там; неудобство этого дома заключалось лишь в том, что бабушка ещё не умерла к тому времени.

Мы пьём водку.

Мой собеседник слишком занят собой, чтобы слышать меня... он не умолкает; он подробно повествует о своей работе, но вдруг спрашивает:

– А ты чем занимаешься?

(В то время я не был особенно занят, но всё же нашёл удовольствие в изготовлении разгрузки; я шил с усердием, совершенно не зная, понадобится ли мне этот элемент обмундирования головореза: у меня неожиданно получалось, и, как помнится, я имел даже потребность похвалиться результатом.)

– Да вот, шью разгруз...

– Хорошая у меня работа, выгодная: и молоко, и кефир вчера домой принёс... – совершенно не слушая меня, продолжает Сантуций свои подробные предложения.

Вдруг:

– А как Лаура твоя? (С ухмылкой скепсиса на лице.)

– Да, она...

– Послезавтра – представь! – зарплата будет...

И вот передо мной выкладки по последним двум его зарплатам... Надо сказать, что Сантуций, возможно из-за того, что закончил истфак, выражает свои незатейливые мысли очень красочно, постоянно оперируя причастными оборотами. (В анналах исторического факультета КубГУ покоятся и корни меткого сицилийско-китайского наименования русского парня Сани Иванцова – Сантуций: иначе его давно никто не называет.)

В 2000 году Саня водил штурмовую группу в Грозный и целиком остался во власти этого пламенного впечатления. Он до сих пор отчётливо слышит чеченские голоса и крики «Аллах акбар!». На девятое мая в свой канареечный пиджак он вкалывает орденскую планку.

Кроме этой малиновой ленточки (и ещё одной – ало-зелёной)⁶ ничего героического в нём нет: сейчас это привороживающий охранник с бритым черепом и белёсыми бровями под кепкой. От контузии у него подёргивается правое веко. Он командовал ротой, а теперь его жизнь прозаична, и он пьёт.

⁶ См.: Примечания.

Он смотрит на меня и говорит всегда невпопад, обычно обрывая мою фразу:
– Только мы с тобой воевали!.. – его уставшие глаза ребёнка пусты.

Игорь

Игорь приносит майский чай и сахар-рафинад. Мы беседуем до утра и всегда пьём только чай. Игорь почти не пьёт водку. Каждую неделю он пробегает на стадионе «Динамо» три километра, но когда идёт домой, потный и оздоровившийся, он закуривает сигарету: курение помогает ему сосредоточиться, а водка – нет.

Мы говорим о классической литературе, истории и философии Веллера. Игорь интеллигент в седьмом поколении. Русский интеллигент, который служит в милиции. Это всё равно, что еврей, севший на лошадь – шутит он. Мы пьём чай и курим его сигареты.

В сердце Игоря внезапно расходится рана развода. Его лицо, похожее на вдумчивое лицо учителя географии, начинает брызгать слюной, руки жестикуют с сигаретой в пальцах. Дым вьётся в старательно выбеленный потолок, слова Игоря молотками бьют о воздух. Ему надо выговориться от несчастья.

– ...Теперь я понимаю. Теперь я очень хорошо понимаю! двадцатилетних парней, которые пришли из армии и увидели эту тугую попку, эти сисечки... Это хуй ведёт их в ЗАГС!.. Сейчас я смотрю в эти молодые стержневые глазки и думаю: что же будет дальше? Сейчас я очень хорошо знаю, что будет дальше!.. А что будет дальше с этой попочкой и сиськами?! Целлюлит! Грудь отвиснет как у кенгуру! Ротик с губками станет вонючей ямой!.. Но сейчас мне тридцать лет, а тогда было двадцать, и я ничего не знал.

У меня родители всю жизнь живут и не собираются разводиться. У Светки отец бухал, и мать с ним развелась. Вот и всё... У неё изначально в голове сидел развод! И тёща всегда зудила ей... Дура!

Я вообще не пью... Ну, в ментовке как?.. Всё равно когда-нибудь выпьешь. Всё – пьяница! Тёща говорит: «Ты, Игорь, много пьёшь». Она, тёща, знает, сколько – много, а сколько – мало!.. Светка под её дудку: «Ты книжки покупаешь, а у нас продуктов нету». А если я буду вместо книжек водку покупать, у нас продукты будут? (Я смеюсь.)

Нет, она этого не понимает! Книжки – единственная радость моей жизни. Это сейчас я себя человеком почувствовал... Вот представь – ты, говорит, лежишь на диване и книжку читаешь, а у нас москитная сетка крупная, и комары пролазят... Ты видел такое когда-нибудь?! – комар подлетает к сетке, прижимает крылья, втискивает голову, подтягивается и вваливается в комнату. Этот комар прошёл спецподготовку в учебном центре «Альфа»! (Мы смеёмся, я ставлю чайник, Игорь продолжает.)

«Ты с моим мнением не считаешься!» Какое мнение! когда вместо мозгов одна курятина, – вот представь себе восьмилетнего ребёнка, он постоянно дёргает тебя за штанину и объясняет, как надо жить. Я говорю ей: «Зая, я считаю с твоим слишком важным для меня мнением, я его выслушал, и понял, что оно нам не подходит». И тут начинается истерика с попытками суицида! Да...

Мы запираемся в ванной и кричим оттуда: «Прощай!» Мы запираемся на балконе. Мы едим горы парацетамола и витаминов. Мы играем роль!..

Вот я был дурак!.. Твердил ей – поступай, поступай... Да ещё и к экзаменам подготовил. Поступила... Всё! Теперь она бизнесвумен. Теперь я мало зарабатываю. Я инертный. Я не знаю компьютер.

А мне нравится моя работа! Я не хочу заниматься коммерцией! Нет, иди работать к нам – и всё... Она теперь менеджер или дилер. Да хрен его знает кто!..

«Давай разведёмся!» Давай. Развелись... Потом она мне заявляет с обиженным видом: «Я думала, ты в суде скажешь, что любишь меня и не хочешь разводиться»... Звездец!..

Сына только жалко... Мирить нас пытается. Жаль пацана... Да пусть он лучше всего этого ужаса не видит...

Что такое любовь?! Любил ли я свою жену? Любил!

А почему тогда изменял ей?... При первой же возможности – прыг под юбку.

А мы любовью называем всё что угодно! Сейчас мы даже любовью занимаемся!

Ложечки серебристо позвякивали в последних чашках чая. Мы погружались в полудрём. Я зевал и потягивался. Компьютер вдруг просыпался и вспыхивал экраном. Игорь вздрагивал.

– Ладно, пойду я, трамваи уже поехали.

– А сколько времени?

– Полшестого.

Что говорил по этому поводу поручик артиллерии

Лаура – это «женщина, которая приходит ко мне иногда»⁷; ей около сорока; на её левой щиколотке контур: прекрасный контур. Он отвлекает меня от морщин и обвислости очень красивого в прошлом тела: он настраивает меня на поэтический лад. Когда-то Лаура была стюардессой на международных линиях в Баку; и в постели с ней мы методичны, как на учениях.

Бывшая жена тоже спит со мной от тоски. Её печальные глаза смотрят одиноко; она произносит привычно: «Узнаю своего мужа» (очевидно, она имеет ввиду застывший на полу в позе расчленённого как попало трупа спортивный костюм)...

Через час она уходит повеселевшая: у неё женатый любовник с двумя взрослыми детьми.

«Развод порождает разврат!» – занудно басил Лев Николаевич, поручик артиллерии, бывший сначала крайне счастлив в браке, а потом – крайне наоборот: и от этого несчастья сделавшийся субъективным философом. Уходя в себя от издёвок и пошлостей супруги, он задавался вопросом: «Почему нельзя жить как два цветка?..» А вот нельзя! Непременно нужно – как два гладиатора!

Когда появляются деньги, – а они появлялись у Сантуция в день его получки, – машины привозят проституток.

Из такой машины выходит сначала сутер.

Сутер, похожий на юного юриста из сберегательного банка, осматривает мою квартиру. Что думает сутер, созерцая рухнувший стол-тумбу в кухне и тяжёлую половую тряпку, засыпанную давним песком? Этот интеллигентный юноша с мобилой в руке?

Потом он заглядывает в комнату и видит коробку из под монитора. Коробка накрыта синей скатертью и ломится от уцелевших после раздела имущества хрустальных стаканов, гармошкой вдавленных в блюда окурков и закусей а-ля завтрак туриста. Вместе с компьютером и диваном коробка занимает почти всё пространство комнаты... Постепенно сутер понимает, что здесь с девушками ничего не входящего в тариф не сделают, – здесь люди простые, по счёту соответствуют заявке, и под диван навряд ли кто забрался неучтённый: формальность соблюдена, и юноша удаляется, морщась от табачного удушья...

Здесь во времянке я вспомнил, как дедушка, обеспокоенный моей успеваемостью в восьмом классе, говорил: «Будешь плохо учиться – станешь шаромовозником!» (Вообще же дедушке не было дела до моей успеваемости, перед ним стояли задачи посерьёзней: он увлечённо выращивал комплексно-устойчивый виноград; это был вежливый старикан – просто ему нажаловалась моя мама: тогда я уже курил и пробовал пить, успеваемость моя к восьмому классу, мягко сказать, ухудшилась: я не знал, для чего она должна улучшиться, жизненный план мне не могли привить, он отлетал от меня, как футбольный мяч от кирпичных стен школы №18.)

⁷ Как тактично выражаются французы, с лёгким таким туманом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.